

Содержание

Предисловие	5
М. К. Азадовский и Ю. Г. Оксман. Список литературы: 1973–2023	14
Письма ученых как зеркало эпохи	18
Археографическая справка	62

Переписка

1. Оксман — Азадовскому 10 июля 1944	69
2. Азадовский — Оксману 18 февраля 1945	77
3. Оксман — Азадовскому 28 сентября 1947	82
4. Азадовский — Оксману 15–22 октября 1947	86
5. Оксман — Азадовскому 12 ноября 1947	92
6. Азадовский — Оксману 12 декабря 1947	96
7. Оксман — Азадовскому 25 декабря 1947	97
8. Азадовский — Оксману конец февраля — 10 марта 1948	99
9. Азадовский — Оксману 20 <?> марта 1948	107
10. Оксман — Азадовскому 24 марта 1948	109
11. Азадовский — Оксману 28 апреля 1948	115
12. Оксман — Азадовскому 2 мая 1948	117
13. Азадовский — Оксману 12 мая 1948	120
14. Оксман — Азадовскому 6 июля 1948	121
15. Азадовский — Оксману начало сентября (до 5) 1948	123
16. Оксман — Азадовскому 10 октября 1948	127
17. Оксман — Азадовскому 26 октября 1948	137
18. Азадовский — Оксману 19 декабря 1948	138
19. Азадовский — Оксману 19 декабря 1948	141
20. Оксман — Азадовскому 11 января 1949	143
21. Азадовский — Оксману 19 февраля 1949	147
22. Оксман — Азадовскому 20 февраля 1949	155
23. Оксман — Азадовскому 2 марта 1949	160

24. Азадовский — Оксману 7 марта 1949	164
25. Оксман — Азадовскому 10 мая 1949	170
26. Азадовский — Оксману июнь (до 29) 1949	175
27. Оксман — Азадовскому 10 сентября 1949	180
28. Азадовский — Оксману 1 октября 1949	185
29. Азадовский — Оксману 3 октября 1949	188
30. Оксман — Азадовскому 25 октября 1949.	193
31. Азадовский — Оксману 2 ноября 1949	198
32. Оксман — Азадовскому 13 ноября 1949	199
33. Азадовский — Оксману 21 ноября 1949	201
34. Азадовский — Оксману 13 января 1950	203
35. Оксман — Азадовскому 21 января 1950	205
36. Азадовский — Оксману 26 июня 1950	210
37. Оксман — Азадовскому 3 июля 1950	211
38. Азадовский — Оксману 20 июля 1950	215
39. Оксман — Азадовскому 15 августа 1950	217
40. Оксман — Азадовскому 20 октября 1950	222
41. Азадовский — Оксману 7–17 ноября 1950	222
42. Оксман — Азадовскому 26 декабря 1950	229
43. Оксман — Азадовскому 20 января 1951	232
44. Оксман — Азадовскому 25 января 1951	235
45. Азадовский — Оксману 31 января 1951	236
46. Оксман — Азадовскому 14 февраля 1951	241
47. Азадовский — Оксману 23 февраля 1951	243
48. Оксман — Азадовскому 1 марта 1951	245
49. Азадовский — Оксману 3 мая 1951	248
50. Оксман — Азадовскому 15 мая 1951	251
51. Азадовский — Оксману 20 мая 1951	253
52. Оксман — Азадовскому 25 мая 1951	260
53. Азадовский — Оксману 29 мая 1951	265
54. Азадовский — Оксману 30 мая 1951	271

55. Оксман — Азадовскому 12 июня 1951	274
56. Азадовский — Оксману 17 июня 1951	279
57. Оксман — Азадовскому 22 июня 1951	279
58. Азадовский — Оксману 4 июля 1951	280
59. Оксман — Азадовскому 28 июля 1951	284
60. Азадовский — Оксману 4 августа 1951	287
61. Оксман — Азадовскому 21 августа 1951	291
62. Азадовский — Оксману 4 сентября 1951	294
63. Азадовский — Оксману 27 сентября 1951	298
64. Оксман — Азадовскому 1 октября 1951	300
65. Оксман — Азадовскому 5 октября 1951	304
66. Азадовский — Оксману 9 октября 1951	305
67. Оксман — Азадовскому 26 октября 1951.	309
68. Азадовский — Оксману 29 октября 1951.	312
69. Азадовский — Оксману 30 октября 1951.	316
70. Азадовский — Оксману 11 ноября 1951	317
71. Оксман — Азадовскому 14 ноября 1951	319
72. Оксман — Азадовскому 15 ноября 1951	323
73. Азадовский — Оксману 25 ноября 1951	325
74. Оксман — Азадовскому 2 декабря 1951	330
75. Азадовский — Оксману 14 декабря 1951.	333
76. Оксман — Азадовскому 25 декабря 1951.	336
77. Азадовский — Оксману 27 декабря 1951.	337
78. Оксман — Азадовскому 5 января 1952	340
79. Оксман — Азадовскому 14 января 1952	341
80. Азадовский — Оксману 24 января 1952	341
81. Азадовский — Оксману 5 февраля 1952	345
82. Оксман — Азадовскому 11 февраля 1952	347
83. Оксман — Азадовскому 13 февраля 1952	348
84. Азадовский — Оксману 20 февраля 1952	349
85. Оксман — Азадовскому 12 марта 1952	353

86. Азадовский — Оксману 4 апреля 1952	358
87. Оксман — Азадовскому 24 апреля 1952	362
88. Азадовский — Оксману 27 апреля 1952	365
89. Азадовский — Оксману 12 мая 1952	366
90. Оксман — Азадовскому 17 июня 1952	368
91. Азадовский — Оксману 25 июня 1952	371
92. Азадовский — Оксману 29 июля 1952	375
93. Оксман — Азадовскому август (после 14) 1952	377
94. Азадовский — Оксману 20 сентября 1952	380
95. Оксман — Азадовскому 5 октября 1952	382
96. Азадовский — Оксману 16 октября 1952	385
97. Оксман — Азадовскому 23 октября 1952	387
98. Азадовский — Оксману 9 ноября 1952	391
99. Азадовский — Оксману 26 ноября 1952	395
100. Оксман — Азадовскому 30 ноября 1952	396
101. Оксман — Азадовскому 20 декабря 1952	399
102. Азадовский — Оксману 24 декабря 1952	401
103. Оксман — Азадовскому 30 декабря 1952	404
104. Азадовский — Оксману 11 января 1953	407
105. Оксман — Азадовскому 1 февраля 1953	411
106. Азадовский — Оксману 17 февраля 1953	414
107. Оксман — Азадовскому 25 февраля 1953	416
108. Азадовский — Оксману 3 марта 1953	418
109. Оксман — Азадовскому 24 марта 1953	422
110. Азадовский — Оксману 1 апреля 1953	425
111. Оксман — Азадовскому 31 марта — 7 апреля 1953	429
112. Оксман — Азадовскому 8 апреля 1953	431
113. Азадовский — Оксману 17 апреля 1953	433
114. Оксман — Азадовскому 27 мая 1953	437
115. Азадовский — Оксману 12 июня 1953	440
116. Азадовский — Оксману 17 июня 1953	446

117. Оксман — Азадовскому 22 июня 1953	448
118. Азадовский — Оксману 28 июля 1953	449
119. Оксман — Азадовскому 9 августа 1953	453
120. Азадовский — Оксману 27 августа 1953	457
121. Оксман — Азадовскому 19 сентября 1953.	462
122. Оксман — Азадовскому 15 ноября 1953.	465
123. Азадовский — Оксману 12–17 февраля 1954	467
124. Оксман — Азадовскому 12 марта 1954	475
125. Азадовский — Оксману 27 марта 1954	479
126. Оксман — Азадовскому 11 апреля 1954.	483
127. Оксман — Азадовскому 23 июня 1954	486
128. Азадовский — Оксману 24 июля 1954	488
129. Оксман — Азадовскому 7 августа 1954	490
130. Азадовский — Оксману 10 августа 1954	494
131. Оксман — Азадовскому 19 августа 1954	496
132. Азадовский — Оксману 22 августа 1954	500
133. Азадовский — Оксману 25 августа 1954	503
134. Оксман — Азадовскому 11 сентября 1954.	505
135. Азадовский — Оксману 21 сентября 1954.	509
136. Оксман — Азадовскому 1 октября 1954.	512
137. Л. В. Азадовская — Оксману 18 октября 1954	515
138. Оксман — Л. В. Азадовской 24 октября 1954	517
139. Оксман — С. А. Рейсеру 28 ноября 1954	520
140. С. А. Рейсер — Оксману 4 декабря 1954	523
Список сокращений	525
Именной указатель (1)	527
Именной указатель (2)	568

Предисловие

Первое издание переписки М. К. Азадовского и Ю. Г. Оксмана (далее — «Переписка») вышло в свет весной 1998 г. и сразу же вызвало общественный интерес: в российской печати появились отклики известных филологов, критиков, журналистов. «Переписка с поразительной полнотой и отчетливостью показывает механизмы человеческого выживания больших ученых в условиях абсолютной социальной безысходности и остановленного исторического развития», — говорилось в одном из них¹. «...Грандиозный памятник борьбы больших людей за культуру, совесть и человеческое достоинство», — подчеркивалось в другом². «Эти „кабинетные“ ученые, — писал третий рецензент, — с их научной добросовестностью, чувством долга и собственного достоинства, сосланные оболганные, обворованные вписавшимися в ситуацию коллегами, не проиграли своих сражений. В сущности они, как Герцен, спасли честь русской интеллигенции...»³

Газетные публикации сопровождались чередой устных отзывов и потоком писем. Одним из первых откликнулся Н. А. Богомолов⁴ (письмо от 28 мая 1998 г.):

Читал переписку как роман, от которого оторваться невозможно. И сами по себе письма превосходны... <...> Совершенно искренне поздравляю Вас с книгой, без которой теперь трудно будет представить себе историю нашей науки, причем не ту историю, что должна пылиться в архивах и вытаскиваться к случаю, а ту, что должна стать повседневной школой для любого пытающегося стать филологом⁵.

¹ Зорин А. Письма ученых как зеркало эпохи // Литературная газета. 1998. № 22, 3 июня. С. 11.

² Немзер А. В те годы дальние, глухие // Время МН. 1998. № 12, 17 июня. С. 7.

³ М. С<околов>. Мои письма разрывались как бомбы // Культура: Ежедневная газета интеллигенции. 1998. № 21, 11–17 июня. С. 6.

⁴ Николай Алексеевич Богомолов (1950–2020), историк русской литературы, библиограф; профессор МГУ.

⁵ Оригиналы цитируемых далее писем к К. М. Азадовскому хранятся в его личном фонде (РГАЛИ. Ф. 3253; не обработан).

«Спасибо Вам за „Переписку“ М. К. и Ю. Г. — благодарила нас 2 июля 1998 г. К. П. Богаевская (1911–2002), многолетний друг и помощница Ю. Г. Оксмана. — Залпом прочла Вашу статью, а письма и комментарии читала больше недели с упоением и большой грустью. <...> Эта книга — часть и моей жизни».

«Изданная Вами „Переписка“ — событие не только в литературоведении, — писал 25 сентября 1998 г. саратовский историк-декабристовед И. В. Порох (1922–1999). — <...> Это кладезь мудрых мыслей, тонких наблюдений, благороднейших человеческих эмоций». И далее уточнял свою мысль:

Непреходящая ценность книги в ее богатейшей историографической насыщенности. Ныне ни один серьезный исследователь творчества декабристов, А. С. Пушкина, В. Г. Белинского, И. С. Тургенева и ряда других замечательных писателей и поэтов России не может не учесть суждений о них М. К. Азадовского и Ю. Г. Оксмана, содержащихся в «Переписке». Кроме того, чрезвычайно важны их критические высказывания в адрес наиболее популярных и мнимых авторитетов «власть имущих», таких, как М. В. Нечкина, В. Н. Орлов, Б. С. Мейлах и ряд других.

Особенно взволновал меня отзыв историка В. В. Пугачева (1923–1998), близкого к Оксману в последние годы его жизни, — отзыв, продиктованный за несколько недель до смерти:

Июнь, июль и август я читал «Переписку» как часть своей собственной жизни. И люди, и мысль — все мое. <...> Хотел написать рецензию, но сейчас я лежу и даже не переворачиваюсь с боку на бок. Хочу Вам сказать, что настоящая история науки той поры именно в этих письмах. Все, что выходило официально, — чушь. <...> Если выздоровлю, то, может быть, напишу рецензию. Но мне сделать это очень трудно»⁶.

⁶ Эти же слова В. В. Пугачева приводит В. М. Селезнев в своей рецензии на «Переписку» (Богатей (Саратов). 1998. № 23 (45). С. 13. То же: Волга. 1999. № 2. С. 155).

Виктор Макарович Селезнев (1931–2012), филолог, историк литературы, публицист; правозащитник. Автор воспоминаний о Ю. Г. Оксмане (см.: Корни: общественно-публицистический и культурно-просветительский журнал еврейских общин стран СНГ. Январь-март 2009. № 41. С. 143–162).

Появление книги оказалось, как видно, резонансным событием. Этому способствовали в первую очередь содержание и стиль самих писем — та, казалось, немыслимая в эпоху позднего сталинизма «свобода разговора» (см. письма 5 и 14), которую позволяют себе оба корреспондента. Другая причина — насыщенность книги именами, событиями и разного рода конкретикой. Пытаясь воссоздать панораму филологической жизни конца 1940-х — начала 1950-х гг., я старался использовать в примечаниях малоизвестные сведения, почерпнутые в архивах Азадовского и Оксмана (и в других источниках), что также определило во многом живейшую реакцию на «Переписку» в гуманитарной среде. В то время еще здравствовали свидетели — люди, причастные к событиям рубежа 1940-х — начала 1950-х гг., и многие из них, хранившие память о том тягостном времени, испытывали потребность высказаться — поделиться впечатлениями от знакомства с книгой. Так, профессор П. В. Куприяновский (1919–2002), возглавлявший в течение многих лет кафедру теории литературы и русской литературы XX века в Ивановском государственном университете, откликнулся подробным письмом:

Книгу мне привез из Москвы один мой коллега. Я сразу же начал читать, так как в переписке упоминается десять имен, с которыми я так или иначе был связан. В целом же это «живой кусок» истории литературоведения от конца войны до предвестий «оттепели». Меня также поразили ваши комментарии: в них обстоятельно и тщательно воспроизведены многие судьбы, прояснены реалии и факты с привлечением огромного количества библиографических, эпистолярных и архивных данных. <...>

Главное в книге — яркий документальный материал, который дает представление о том, в каких условиях (в каких тисках!) существовала наука о литературе. Постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград», по поводу которого Д. Е. Максимов⁷ сказал мне запомнившуюся фразу: «зажимают клапаны»; борьба с «всеплощной», вылившаяся в проработку таких видных ученых, как ваш отец; августовская сессия ВАСХНИЛ⁸, которая стимулировала

⁷ Дмитрий Евгеньевич Максимов (1904–1987), историк русской литературы, автор книг о Лермонтове, Брюсове, Блоке. Профессор ЛГУ.

⁸ Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.

поиск идеализма даже в литературоведении (помню, как в Ивановском пединституте местные бдители марксизма требовали от преподавателей литературы писать обстоятельные записки о применении идей материализма в своих лекционных курсах); позорные поиски «космополитов» и «космополитизма», жертвой которых стали выдающиеся ученые, по преимуществу с не по-русски звучащей фамилией...⁹ Это и многое другое отразилось в переписке М. К. Азадовского и Ю. Г. Оксмана. И какие неординарные, преданные заботам о науке выступают они в своих письмах! (Письмо от 22 декабря 1998 г.)

С этим мемуарным свидетельством перекликается письмо другого современника — С. В. Житомирской (от 30 июня 1999 г.):

Я принадлежу к тем немногим уже реликтам, которые не только помнят советскую историю от начала до конца, но, естественно, сами в ней участвовали и, по моему глубокому убеждению, все несут ответственность за ее «свинцовые мерзости». <...> С этой точки зрения очень важны издания писем живших в то время выдающихся людей (хотя и они, при всей их близости, не все решались писать друг другу). И, конечно, с комментарием, подобным Вашему. Только они, может быть, позволят понять весь спектр психологии советского интеллигента — от полной ортодоксальности к ее утрате, к цинизму элиты, к конформизму большинства, к двойной жизни многих и, наконец, к протесту совсем немногих¹⁰.

Отклики продолжали поступать в течение нескольких лет. Так, 18 июля 2000 г. историк литературы (лермонтовед, библиограф) Э. Э. Найдич (1919–2014) писал из Иерусалима:

Только сейчас прочел подготов<ленную> Вами переписку Марка Константиновича с Юлианом Григорьевичем. Ваша книга стала

⁹ См. подробнее: Азадовский К., Егоров Б. «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 83–135; Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование. Т. 1–2. М., 2012.

¹⁰ Сарра Владимировна Житомирская (1916–2002), историк, архивист; заведовала Отделом рукописей РГБ в 1970–1980-е гг. «Свинцовые мерзости жизни» — известное выражение из повести М. Горького «Детство» (1913/1914).

событием в моей жизни. <...> Отдаете ли Вы себе отчет, что комментарии к этим письмам представляют энциклопедию отечественного литературоведения в годы его расцвета и заката. <...> ...Хочется сказать, что Ваша книга необыкновенна, прекрасна и точна.

За устными, письменными и газетными откликами последовали журнальные рецензии — отечественные (в московских, петербургских и саратовских изданиях) и зарубежные. Наиболее обстоятельной и подробной была рецензия И. В. Пороха, высоко оценившего «Переписку»:

Непреходящая ценность книги в ее историографической насыщенности. Широта научных интересов корреспондентов позволила им охватить многие важные проблемы истории русской литературы и общественной мысли первой половины XIX в. <...> Много ценных мыслей и высказываний историографического содержания найдут читатели в «Переписке»¹¹.

Значение этой книги, по мнению рецензента, далеко выходит за рамки затронутых в ней научных проблем — она заставляет думать, тревожиться, сопереживать:

Издание «Переписки» — событие не только в литературоведении и исторической науке. Она сама себе уникальный источник. Письма М. К. Азадовского и Ю. Г. Оксмана — замечательное собрание мудрых мыслей, тонких научных наблюдений, благороднейших человеческих эмоций и горестных признаний относительно трудностей жизни¹².

Справедливое наблюдение! «Переписка» не оставляет читателя равнодушным — прежде всего потому, что затрагивает не только историко-литературные, но и нравственные проблемы. Неслучайно другой рецензент, Е. Г. Эткинд, определил диалог Азадовского и Оксмана словами «школа научной нравственности»:

¹¹ Историографический сборник. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1999. Вып. 18. С. 235, 239.

¹² Там же. С. 235.

школа для каждого из нас: вот как надо дружить в науке, вот как надо быть выше не только бытовых неурядиц, но и террористической государственной политики, направленной против науки и ученых!¹³

Высокой оценки удостоилась «Переписка» и в рецензии В. Г. Березиной, профессора ЛГУ/СПбГУ, особо отметившей «ценнейший научный комментарий» и подчеркнувшей, как и другие рецензенты, нравственный пафос книги:

Объясняются, характеризуются и объективно, без предвзятости, оцениваются представленные в письмах события, ситуации, взаимоотношения людей. Всесторонний и глубокий комментарий к письмам позволяет современным читателям воссоздать по письмам нравственный портрет той эпохи¹⁴.

По совокупности этих обстоятельств «Переписка» и оказалась столь остро востребованной на рубеже столетий. Сегодня, спустя 27 лет, она, по нашему убеждению, не утратила актуальности, напротив — она прочно вошла в золотой фонд отечественной гуманитарной мысли. Подтверждением могут служить многочисленные ссылки на «Переписку», без которых не обходится в наши дни ни одно серьезное исследование, посвященное как истории филологической науки в эпоху позднего сталинизма, так и конкретной литературоведческой тематике, затронутой учеными в их эпистолярном диалоге (Пушкин и Белинский, Рылеев, Кюхельбекер, декабристы...) ¹⁵.

¹³ Эткинд Е. Поздние уроки // Вопросы литературы. 1999. Июль — август. С. 211.

¹⁴ Вестник Санкт-Петербургского университета. 1999. Серия 2. Вып. 1 (2). С. 123–124.

¹⁵ Звучали, впрочем, и скептические голоса. Так, историк А. Л. Беглов, один из первых откликнувшийся на появление «Переписки», поделился — в статье с выразительным названием «Тусклое стекло» — своими сомнениями в отношении комментария:

«...Панорамного видения читатель „Переписки“ не получает. Заглянув в зеркало комментария, мы действительно увидим в нем эпоху, но еще не творчество исследователя. Зеркало оказывается повернутым вовне, оно отражает цену событий и отделяет нас от глубинного течения мысли, тогда как измерить эту глубину и определить направление течения было первостепенной задачей комментатора» (Пушкин: тонкий журнал читающим по-русски. 1998. № 5 (11), 1 июля. С. 12).

Необходимость второго издания стала очевидной в последние годы. Стремительно нарастающий поток новых материалов и конкретных сведений существенно обогатил за истекшие четверть века наше представление об участниках «Переписки». Реальный комментарий к письмам Азадовского и Оксмана в первом издании готовился в середине девяностых годов, когда открытие Оксмана как замечательного ученого и крупной общественной фигуры еще не получило того размаха, какого оно достигает с течением времени. Появилось также немалое число публикаций, посвященных Марку Азадовскому, чье место в научной жизни России первой половины XX в. отчетливо вырисовывается, наконец, во всей своей значимости. Все чаще стали публиковались письма обоих ученых, образуя подчас солидные эпистолярные комплексы — отметим, в первую очередь, изданную в 2001 г. А. Л. Гришуниным переписку Оксмана и К. И. Чуковского, охватывающую 1949–1969 гг.¹⁶, а также масштабную публикацию писем Оксмана к ленинградским ученым, осуществленную в 2003–2006 гг. М. Д. Эльзоном и В. Д. Раком на страницах журнала «Русская литература»¹⁷.

Другим стимулом послужили для нас... недочеты первого издания, далеко не безупречного в научно-эдиционном отношении. Комментатору не удалось в 1990-е гг. прояснить все «темные места», выявить несколько скрытых цитат, уловить глубокие, подчас не столь очевидные смысловые подтексты. Допущены были, к сожалению, ошибки и досадные неточности (в датах), мелкие опечатки и т. д. Эти недостатки (некоторые из них справедливо отметили в своих рецензиях В. Г. Березина и И. В. Порох) в настоящем издании устранены.

«Переписка» в ее нынешнем виде выстроена по той же схеме, что и первое издание. Вторжения в первоначальный текст (уточнения, изменения, перестановки, стилистическая правка и проч.) коснулись в новом издании главным образом аппарата: библиографии, вступительной статьи, примечаний к письмам, именного указателя. Добавлена «Археографическая справка».

¹⁶ См. содержательную рецензию Е. О. Ларионовой (Известия АН. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. С. 69–72; к рецензии приложено новонайденное письмо Оксмана к Чуковскому от 21 января 1965 г.).

¹⁷ См. «Список литературы: 1973–2023».

Представленный в настоящем издании эпистолярный корпус охватывает всю сохранившуюся переписку ученых за 1944–1954 гг. Общее число писем (140) осталось неизменным: 68 писем Азадовского, столько же Оксмана и, в дополнение к ним, письмо Л. В. Азадовской к Оксману (№ 137), ответное письмо Оксмана (№ 138), письмо Оксмана к С. А. Рейсеру (№ 139) и письмо С. А. Рейсера к Оксману (№ 140).

Особо следует сказать о «Списке литературы: 1973–2023», помещенном вслед за предисловием. В первом издании этот библиографический раздел отсутствовал: основные публикации, отражающие общественный и научный интерес к каждому из ученых, были указаны в примечаниях 1 и 2 к вступительной статье. Однако обилие новых публикаций, появившихся за истекшие четверть века, подвело нас к решению предварить новое издание «Переписки» отдельным разделом, призванным облегчить читателю пользование книгой, тем более что многие из названных работ приводятся в комментариях к письмам.

«Список...» не претендует на полноту; более подробные библиографические указатели трудов Азадовского и Оксмана, их богатого эпистолярного наследия, а также литературы о каждом ученом — дело будущего.

Иллюстративный материал, повторяя отчасти первое издание, расширен за счет архивных, ранее не публиковавшихся фотографий, находящихся в настоящее время как у частных лиц, так и на государственном хранении (РГАЛИ, ОР РГБ, Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского в Саратове).

Построенная на строго документальной основе, книга примыкает по своему содержанию и внешнему оформлению к двухтомнику «Жизнь и труды Марка Азадовского» (М., 2025).

В процессе многолетней работы над «Перепиской» я пользовался бескорыстной помощью коллег и друзей. Вступительная статья к первому изданию завершалась их перечнем. С благодарностью повторяю эти имена:

В. К. Архангельская (1923–2006), В. Г. Березина (1916–2003), Ю. П. Благоволина (1928–2005), В. Э. Вацура (1935–2000), Б. Ф. Егоров (1926–2020), Йоханна Рената Дёринг, Н. П. Кошелев (1937–2009), А. Я. Лapidус, М. Я. Мельц (1924–2003), С. И. Панов.

Одновременно считаю долгом поблагодарить за отзывчивую поддержку всех, кто способствовал моей работе по обновлению книги, в особенности Е. Б. Белодубровского (1941–2025), А. С. Бодрову, В. В. Головина, П. А. Дружинина, Л. Р. Кроль, А. А. Михайлову, Е. О. Селезневу, а также сотрудников Отдела рукописей Российской государственной библиотеки.

Константин Азадовский
Сентябрь 2025

М. К. Азадовский и Ю. Г. Оксман.

Список литературы: 1973–2023

Перечень работ М. К. Азадовского (и о нем) см. в составленном В. П. Томиной указателе «Марк Константинович Азадовский» (Новосибирск, 1983), охватывающем 1911–1982 гг.; дополнения к этому изданию — в рецензии М. Я. Мельц (Сибирские огни. 1988. № 12. С. 166–170).

См. также:

Азадовская Л. В. Из научного наследия М. К. Азадовского (Замыслы и начинания) // *Азадовский М.* Статьи и письма: Неизданное и забытое. Новосибирск, 1978. С. 189–236.

Яновский Н. Марк Константинович Азадовский // М. К. Азадовский. Сибирские страницы. Статьи, рецензии, письма. Иркутск, 1988. С. 3–25.

Азадовская Л. В. Сердце не знало покоя // Воспоминания о М. К. Азадовском / Сост., предисл., примеч. И. З. Ярневского. Иркутск, 1996. С. 15–25.

Статья М. А. Сергеева о М. К. Азадовском / Публ. М. Д. Эльзона // Русская литература. 2006. № 2. С. 102–117.

Азадовский К. Жизнь и труды Марка Азадовского. Т. 1; 2. М., 2025.

Неоднократно появлялись в печати и письма М. К. Азадовского, а также письма к нему. Публикации 1969–1981 гг. учтены в Указателе В. П. Томиной (С. 85–86; 101–102).

См. также:

Из блокадных писем М. К. Азадовского / Сост. и коммент. Л. В. Азадовской // *Азадовский М. К.* Сибирские страницы. Статьи, рецензии, письма. Иркутск, 1988. С. 283–300.

Яновский Н. Неопубликованные письма ученого <П. Л. Драверту, Г. Ф. Кунгурову, Е. Д. Петряеву> // Литературное наследство Сибири. Т. 8. Новосибирск, 1988. С. 219–343.

Переписка М. К. Азадовского с М. П. Алексеевым / Вступ., примеч., публ. К. М. Азадовского // Сибирские огни. 1988. № 12. С. 151–160.

Письма П. Г. Богатырева к М. К. Азадовскому / Публ. С. П. Сорокиной // Филологические записки (Воронеж). Вып. I. 1993. С. 138–149.

Лапшина Н. Д. «...Таково мое дружеское мнение». По страницам писем М. К. Азадовского Н. В. Здобнову // Библиография. 1994. № 4. С. 112–120.

- [Письмо М.К. Азадовского С.И. Вавилову] / <Публ. И.З. Ярневского> // Воспоминания о М.К. Азадовском. Иркутск, 1996. С. 182–194.
- [Письмо М.К. Азадовского С.Ф. Баранову] / Вступ. и публ. К.М. Азадовского // Там же. С. 194–206.
- Малышева М.П., Познанский В.С.* Переписка М.К. Азадовского с редакцией ССЭ // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 4. С. 98–102.
- «Удастся ли прорубить эту стену...» (из писем М.К. Азадовского к Н.К. Гудзию 1949–1950 годов) / Публ., вступ. статья, примеч. К.М. Азадовского // Русская литература. 2006. № 2. С. 66–86.
- Азадовский К.М.* «Милый, дорогой друг...» М.К. Азадовский и И.С. Зильберштейн // И.С. Зильберштейн. Штрихи к портрету. К 100-летию со дня рождения / Сост. Н.Б. Волкова, Т.Л. Латыпова, Е.Ю. Филькина. М., 2006. С. 120–136.
- Азадовский К.М.* Архив Марка Азадовского // Архив ученого-филолога. Личность. Биография. Научный опыт. Сборник научных статей и публикаций / Ред. и сост. Е.Р. Обатнина. СПб., 2018. С. 19–32.
- Азадовский К.* «Иногда становится невыносимо...» Письма блокадной зимы // Звезда. 2020. № 1. С. 152–176.
- Азадовский К.* Марризм и советская фольклористика (по материалам архива Марка Азадовского) // Литературный факт. 2023. № 1 (37). С. 217–245.

Первая печатная библиография работ Ю.Г. Оксмана была составлена В. Эджертоном (см.: Russian Literature. 1973. № 5. Р. 5–34). Наиболее полный список трудов Ю.Г. Оксмана выполнен К.П. Богаевской и В.А. Черных: Список печатных трудов Ю.Г. Оксмана (К 100-летию со дня рождению) // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997. Т. 1. № 2. С. 327–340.

Перечень публикаций (в том числе и зарубежных), посвященных Ю.Г. Оксману, приводится на с. 116–117 в работе: Из переписки Ю.Г. Оксмана / Вступ. статья и примеч. М.О. Чудаковой и Е.А. Тоддеса // Четвертые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988. С. 96–168.

См. также:

- Каверин В.А.* Литератор. Дневники и письма. М., 1988. С. 133–144.
- Пугачев В.В., Динес В.А.* «А все-таки она вертится!» Об Ю.Г. Оксмане // Проблемы исторической культуры, литературы, социально-экономической мысли: Межвузовский сборник. Вып. 5. Саратов, 1989. С. 34–60.

- То же: *Pugacev V. V., Dines V. A.* «Eppur si muove!» Julian Grigor'evic Oksman / *Rivista storica italiana*. 1990. Anno CII. Fascicolo I. P. 166–194.
- «Человек жизнерадостный и жизнедеятельный...» (Набросок портрета Ю. Г. Оксмана по материалам его архива) / Обзор А. Д. Зайцева // Встречи с прошлым. Вып. 7. М., 1990. С. 525–566.
- Богаевская К. П. Возвращение: О Юлиане Григорьевиче Оксмане / Вступ. статья и примеч. И. Д. Прохоровой // Литературное обозрение. 1990. № 4. С. 100–112.
- Из переписки Юлиана Оксмана и Виктора Шкловского / Вступ. заметка, публ. и примеч. А. В. Громова // Звезда. 1990. № 8. С. 128–141.
- Эджертон В. Ю. Г. Оксман, М. И. Лопатто, Н. М. Бахтин и вопрос о книгоиздательстве «Омфалос» // Пятые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 211–217.
- Ю. Г. Оксман в Саратове. (Письма. 1947–1957) / Вступ. заметка, публ., коммент. К. Богаевской // Вопросы литературы. 1993. № 5. С. 231–270.
- Устинов А. Б. Письма Ю. Г. Оксмана к Л. Л. Домгеру // Темы и вариации. Сборник статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Stanford, 1994. С. 470–544 (Stanford Slavic Studies. Vol. 8).
- Письма Ю. Г. Оксмана Р. А. Резник / Публ., вступл. Е. Водоноса, А. Филиппова // Волга. 1994. № 1. С. 104–121.
- Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана / Предисл., сост. и подгот. текстов А. А. Жук. Публ. В. В. Прозорова // Russian Studies: Ежеквартильный журнал русской филологии и культуры. 1995. № 2. С. 255–324.
- Оксман Ю. Письма в Саратов / Публ. Н. Свищёвой // Саратов. 1995. № 5, 12 января. С. 3.
- Молодяков В. Э. Памятник дружбы и верности: К 100-летию со дня рождения Ю. Г. Оксмана // Библиография. 1995. № 3. С. 74–78 (приложен список работ Ю. Г. Оксмана (55 названий), составленный Л. М. Кулаевой).
- Письма Ю. Г. Оксмана Е. И. Покусаеву и А. С. Вознесенской / Публ. и примеч. Л. Е. и В. Б. Герасимовых // Волга. 1995. № 5–6. С. 147–151.
- Касович С. М. О фотографиях Ю. Г. Оксмана // Там же. С. 151–154.
- Пугачев В. В. Опальный пушкинист в Горьком (Ю. Г. Оксман и «праздничная весна») // Там же. С. 156–163.
- Пугачев В. В., Динес В. А. Историки, избравшие путь Галилея: Статьи, очерки. Посвящается 100-летию Юлиана Григорьевича Оксмана / Под ред. Л. Е. Герасимовой. Саратов, 1995.
- Грибанов А. Б. Ю. Г. Оксман в переписке Г. П. Струве 1963 года // Седьмые Тыняновские чтения: Материалы для обсуждения. Рига; М., 1995–1996. С. 495–505.

- Богаяевская К.П.* Из воспоминаний // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 112–129.
- Егоров Б.Ф.* Ю.Г. Оксман и Тарту // Новое литературное обозрение. 1998. № 6. С. 175–193.
- Краснов Г.В.* Феномен Ю.Г. Оксмана. Взгляд из Горького // Там же. С. 194–294.
- Из саратовской почты Ю.Г. Оксмана: письма Л.Б. Магон / Публ. В.Н. Абросимовой // Там же. С. 205–230.
- Юлиан Григорьевич Оксман в Саратове 1947–1958. Саратов, 1999 (письма Оксмана Т.М. Акимовой и В.П. Воробьеву, В.К. Архангельской, С.М. Касовичу, Е.П. Никитиной, Е.И. Покусаеву и А.С. Вознесенской, И.В. Пороху, А.П. Скафтымову, О.А. Скафтымовой).
- Ю.Г. Оксман — К.И. Чуковский. Переписка. 1949–1969 / Предисл. и коммент. А.Л. Гришунина. М., 2001.
- «Искренне ваш Юл. Оксман» (письма 1914–1970-го годов) / Публ. М.Д. Эльзона, предисл. В.Д. Рака, примеч. В.Д. Рака и М.Д. Эльзона // Русская литература. 2003. № 3. С. 137–184; 2003. № 4. С. 182–220; 2004. № 1. С. 145–199; 2004. № 2. С. 189–244; 2005. № 4. С. 140–201; 2006. № 1. С. 227–273 (всего 277 писем).
- Филькина Е.Ю.* «Считаю себя обязанным Илье за многое...» Из переписки Ю.Г. Оксмана и И.С. Зильберштейна (1947–1951) // И.С. Зильберштейн. Штрихи к портрету: К 100-летию со дня рождения. М., 2006. С. 417–458.
- Чуковская Л.К., Оксман Ю.Г.* «Так как вольность от нас не зависит, то остается покой...» Из переписки (1948–1970) / Предисл. и коммент. М.А. Фролова; подгот. текста М.А. Фролова и Ж.О. Хавкиной // Знамя. 2009. № 6. С. 134–176.
- Фролов М.А.* «Дух бодр и охота к работе прежняя...». Из переписки Ю.Г. Оксмана и А.В. Флоровского (1962–1968) // *Emigrantica et cetera*: К 60-летию Олега Коростелева / Ред.-сост. Е.Р. Пономарев, М. Шруба. М., 2019. С. 617–652.
- Переписка Ю.Г. Оксмана и Н.К. Гудзия (1930–1965) / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. М.А. Фролова // Русская литература. 2020. № 4. С. 136–185; 2021. № 1. С. 19–54.

Письма ученых как зеркало эпохи

Наше поколение стало уже в шеренгу. Невидимая рука уже расставила нас в очередь, — и вот мы с закрытыми глазами идем к своей мете. И также, видимо, не суждено будет свершить всего, что задумано, о чем мечталось, что долго вынашивалось...

Азадовский — Н. К. Гудзию 10 февраля 1945 г.¹

В течение сорока лет продолжалось дружеское и творческое общение двух выдающихся ученых-филологов, историков русской литературы и общественной мысли — Марка Константиновича Азадовского (1888–1954) и Юлиана Григорьевича Оксмана (1895–1970). «Мы познакомились с ним в году 1914, а подружились в 1917–1918. С тех пор мы и не расходились, поддерживая связь даже в пору моего невольного пребывания на далекой Колыме», — вспоминал Оксман в письме к Л. П. Гроссману 5 декабря 1954 г.² В 1914 г. Оксман был еще студентом историко-филологического факультета Петербургского университета; Азадовский же, окончивший университетский курс в 1913 г., был оставлен при кафедре истории русской словесности для подготовки к профессорскому званию.

У Азадовского и Оксмана были общие учителя: И. А. Шляпкин, А. А. Шахматов, С. А. Венгеров³, а потому естественно предположить, что их первые встречи (осенью 1914 г.) происходили в аудиториях или коридорах историко-филологического факультета. Особая роль в научной биографии обоих ученых принадлежит Пушкинскому семинарию С. А. Венгерова, участниками которого были также Ю. Н. Тынянов, С. М. Бонди, В. Л. Комарович и другие

¹ Личный архив К. М. Азадовского (Петербург). Все материалы данного архива (оригиналы и копии) используются в дальнейшем без отсылок.

² РГАЛИ. Ф. 1386. Оп. 2. Ед. хр. 347. Л. 24.

Леонид Петрович Гроссман (1888–1955), прозаик, литературовед.

³ См.: *Жизнь и труды*. Т. 1 (глава «Петербургский университет»); *Сальман М. Г.* К биографии Ю. Г. Оксмана (По материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // *Slavica Revalensia*. 2016. Vol. 3. С. 146–147.

известные впоследствии историки русской литературы⁴. В воспоминаниях, написанных много лет спустя, Ю.Г. Оксман, перечисляя своих друзей, «молодых пушкинистов», называет среди них и М.К. Азадовского⁵.

«Знакомы мы были с зимы 1914–1915 г. (кажется, встретились мы в семинаре И. А. Шляпкина, а затем подружились в Пушкинском кружке⁶ и на вечерах у Бема⁷)», — вспоминал Оксман 4 декабря 1954 г. в письме к П.Н. Беркову, навеянном смертью Марка Константиновича⁸. Таким образом, их сближение следует отнести к 1916–1917 гг. Оксман не раз навещал Марка Азадовского, а весной 1918 г. занял его комнату на Мещанской (ныне — Гражданская) 21⁹.

Косвенным свидетельством общения молодых ученых во второй половине 1910-х гг. может служить написанная Оксманом рецензия на книгу Азадовского «Из старых альманахов. Забытые рисунки Федотова» (СПб., 1916)¹⁰. Правда, публикация состоялась в те дни, когда Марка Константиновича уже не было в Петрограде: в мае 1918 г. он уехал в Томск¹¹.

★

Вернувшись в родную Сибирь, Азадовский преподает русскую литературу в высших учебных заведениях Томска (1918–1921), Читы

⁴ См.: Пушкинист. Историко-литературный сборник. Вып. 2. Пг., 1916. С. 290–292.

⁵ Чудакова М. О., Тоддес Е. А. Тынянов в воспоминании современника (Сообщение) // Тыняновский сборник: Первые Тыняновские чтения. Рига, 1984. С. 92.

⁶ Имеется в виду Пушкинский семинарий С. А. Венгерова.

⁷ Альфред Людвигович Бем (1886–1945; расстрелян в пражской тюрьме в мае 1945 г.), филолог-славист, литературовед, критик. Упоминается созданный им «Кружок молодых литераторов», в который входили главным образом участники Пушкинского семинария С. А. Венгерова (см.: *Шруба М. Дополнения к словарю «Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов»* // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 498–499).

⁸ Письма Юл. Оксмана // РЛ. 2003. № 4. С. 218.

⁹ См. примеч. 18 к письму 4.

¹⁰ Понедельник народного слова (Москва). 1918. № 7. 10 июня. С. 8. См. также: *Жизнь и труды*. Т. 1. С. 194–195.

¹¹ По-видимому, уже в первых числах мая. Остается не выясненным, присутствовал ли Марк Константинович вместе с Оксманом на похоронах И. А. Шляпкина (умер в Белоострове 29 апреля 1918 г.).

(1921–1923) и, наконец, Иркутска (1923–1930), возглавляя кафедру русской литературы в Иркутском государственном университете. Оксман же успешно сочетает в те годы научную деятельность с общественно-административной (в 1917–1918 гг. — помощник начальника архива Министерства (Наркомата) просвещения; в 1918–1919 гг. — заведующий Сектором цензуры и печати Центрархива и одновременно член Петросовета. Годы 1920–1923 Оксман проводит в Одессе (ректор Археологического института, член губревкома); здесь он получает звание профессора в Одесском институте народного образования (б. Новороссийском)¹². В 1923 г. Юлиан Григорьевич переезжает в Петроград. Переписка ученых за это пятилетие не известна; скорее всего ее вообще не было.

Отношения и личные встречи возобновляются в 1924 г. Сохранился оттиск статьи Азадовского о С. А. Венгерове¹³ с дарственной надписью: «Дорогому Юлиану Григорьевичу Оксману от автора. Ирк<утск>, 1924 24–VI»¹⁴. А в октябре 1924 г., находясь в Москве, Марк Константинович на несколько дней приезжает в Ленинград, где встречается с Оксманом и получает в подарок его книгу о Тургеневе (И. С. Тургенев. Исследования и материалы. Вып. 1. Одесса, 1921)¹⁵.

¹² О настроениях Оксмана того времени можно судить по его письму к А. Ф. Кони, отправленному из Одессы (дата письма — 19 сентября 1921 г.). Извещая Кони о деятельности «одесской ячейки» Тургеневского общества, Оксман восклицает: «Надеюсь зимой еще побывать в Питере, привезти все южные книжные новинки и сделать в Тургеневском обществе специальный доклад о них. Вообще же на Север тянет, как никогда, и отсутствие связи с ним становится просто невыносимым в переживаемые нами кошмарные дни, может быть, последних испытаний» (РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1219а. Л. 1 об.).

¹³ Азадовский М. Памяти С. А. Венгерова. (Венгеров — библиограф). Чита, 1922 (отдельный оттиск статьи, опубликованной в издании: Вестник просвещения (Журнал Министерства народного просвещения ДВР). 1922. № 1. С. 96–108).

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2567; Оп. 1. Ед. хр. 1109. Л. 1. Статья «Памяти Венгерова», напечатанная в читинском «Вестнике просвещения» в 1922 г., была издана и отдельным оттиском. Тот факт, что Азадовский нашел возможность отправить его Оксману только спустя два года, косвенно свидетельствует о том, что их общение в этот период было прервано.

¹⁵ Текст надписи: «Дорогому Марку Константиновичу Азадовскому переассигновывается „резановский“ экземпляр отсутствующей у автора книги. Ю. Оксман 23/X 1924». Ниже зачеркнута более ранняя надпись: «Глубокоуважаемому Владимиру Ивановичу Резанову от автора 17/X 1922» (хранится в библиотеке К. М. Азадовского; см.: *Жизнь и труды*. Т. 1. Илл. 34).

Через год, получив в Иркутске длительный отпуск для научной работы, Азадовский приезжает в Ленинград, где проводит четыре месяца (сентябрь — декабрь) и постоянно встречается с Оксманом. Профессор ЛГУ, уже занимающий прочные позиции в ленинградской научной жизни, Оксман всемерно содействует его историко-литературным и декабристоведческим разысканиям. Круг ленинградских знакомых Азадовского расширяется: его пополняют молодые историки, друзья и сподвижники Юлиана Григорьевича: С. Я. Гессен, ученый секретарь Комиссии по изучению истории революционного движения XIX века при Обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев, историк-декабристовед И. М. Троцкий (вскоре он окажется соавтором Азадовского¹⁶) и др. В сентябре 1925 г. завязывается переписка Азадовского с находившимся в Одессе М. П. Алексеевым, чьи ранние работы о Пушкине, Тургеневе, Достоевском, поэтах-декабристах уже получили к тому времени широкую известность. Судьба Алексеева, не удовлетворенного своим положением в Одессе и мечтающего перебраться в другой университетский город, живо беспокоила в ту пору Оксмана (их знакомство относится к 1919 г.¹⁷), и он обсуждал эту тему с друзьями. Азадовский предложил свое решение проблемы: переезд Михаила Павловича в Иркутск и преподавательская работа в Иркутском университете. Разговоры об этом велись на рубеже 1925–1926 гг. неоднократно. 27 октября 1926 г. Оксман сообщал М. П. Алексееву:

Владимир Иванович Резанов (1867–1936), историк русской, украинской и западноевропейской литератур. Профессор Института народного образования в Нежине. Чл.-корр. (1923).

¹⁶ См.: Декабристы М. и Н. Бестужевы. Письма из Сибири. Вып. 1. Селенгинский период 1839–1841 / Ред. и примеч. М. К. Азадовского и И. М. Троцкого. Иркутск, 1929; Воспоминания Бестужевых / Ред., вв. статьи и примеч. М. К. Азадовского и И. М. Троцкого. М., 1931. Оксман рецензировал первую из названных книг (см.: Звезда. 1930. № 11. С. 205–206). Об Исааке Моисеевиче Троцком (1903–1938, расстрелян) и его совместной работе с Азадовским см.: *Жизнь и труды*. Т. 1. С. 336–337.

¹⁷ В письме к М. П. Алексееву от 10 апреля 1954 г. Оксман вспоминал: «Ничего не спрашиваю о Киеве — он и сейчас в моем сознании таков, каким был в дни наших первых встреч незабываемого 1919-го!» (ИРЛИ. Ф. 815; не разобран; письма Оксмана к М. П. Алексееву в дальнейшем приводятся без отсылок).

«Незабываемый 1919-й» — пьеса Всеволода Вишневского (1949), отмеченная в 1950 г. Сталинской премией первой степени, и поставленный по ней фильм Михаила Чиаурели (1951).

...я вас почти уже просватал М. К. Азадовскому для Иркутского университета. Умоляю вас согласиться, ибо вылезти из одесского дома ученых в настоящий — это вопрос первостепенной для вас важности — и то, что возможно еще сейчас, — будет неосуществимо уже будущей весной. Нужно все решить безотлагательно. Север не должен смущать вашу южную душу, на худой, самый худой конец — сможете из Иркутска перейти через год-два куда-нибудь поближе, закрепив за собой звание, связи и пр<очее> и пр<очее>. Теперь или никогда — вот как вы должны ставить для себя вопрос об иркутском предложении. В январе, когда мы беседовали с Азадов<ским> о вас в моем кабинете и даже поджидали вас в Питер, — дело было по формальным основаниям тяжело; сейчас конъюнктура самая благоприятная.

Усилия Оксмана и главным образом Азадовского увенчались успехом: в 1927 г. М. П. Алексеев переезжает в Иркутск, где получает должность доцента (с 1928 г. — профессора) кафедры всеобщей литературы Иркутского университета (сибирский период его жизни продлится пять лет).

Четыре месяца, проведенные Азадовским в Ленинграде в конце 1925 г., укрепили его связь с Оксманом. Следует думать, что именно Оксман привлек его к участию в нескольких декабристско-ведческих проектах. В 1926 г. Азадовский публикует «Дневник путешествия...» М. А. Бестужева в 3-м выпуске историко-литературного временника «Атеней», изданного в Ленинграде под редакцией Б. Л. Модзалевского и Оксмана¹⁸ (последний представлен и собственными работами). Одна из статей Азадовского¹⁹ увидит свет в юбилейном сборнике «Бунт декабристов» (Л., 1926), изданном под редакцией Оксмана и П. Е. Щеголева.

В начале 1926 г. Азадовский возвращается в Иркутск. О незатухающем эпистолярном диалоге ученых в последующие годы свидетельствует письмо Марка Константиновича к С. Я. Гессену от 8 марта 1927 г. (речь идет о подготовленной Азадовским

¹⁸ В публикации 1926 г. дневник был ошибочно приписан Н. А. Бестужеву; эту ошибку Азадовский разъяснил и исправил в книге «Воспоминания Бестужевых» (М., 1931. С. 358), где напечатана вторая часть дневника.

¹⁹ Статья «Стерн в восприятии декабристов».

в 1925 г. публикации писем декабриста Д. И. Завалишина к Смольяниновым²⁰):

Юл<иан> Гр<игорьевич> сообщил мне неожиданную весть, моя рукопись читалась в качестве доклада в Ленингр<адской> Комиссии²¹. Вот никак не думал. При этом он прибавляет: «Было очень пикантно, по случаю присутствия родственников — Еропкиной и Булановой». Но подробностей, разбойник этакий, не сообщает. Вы, наверное, были. Черкните, милый, поподробнее²².

Эпизодические упоминания об Азадовском в письмах Оксмана к М. П. Алексееву во второй половине 1920-х гг. свидетельствуют: переписка продолжалась. «Писал я М<арку> К<онстантиновичу>, — читаем, например, в письме Оксмана от 8 июля 1928 г. — о желании своем продать Иркут<скому> Универ<ситету> некот<орые> отделы своей библиотеки и просто ряд истор<ико>-литер<атурных> дублетов. Немало есть книг среди них и по западной литературе — оригинальные издания и монографии»²³.

«Отправил вам большое письмо, но, судя по запросу М<арка> К<онстантиновича> из Москвы, оно почему-то шло очень медленно и его уже не застало», — пишет Оксман в Иркутск (М. П. Алексееву) 7 ноября 1928 г. Видимо, о том же письме упоминает и Марк Константинович в письме к Алексееву 15 ноября 1928 г. (из Ялты, где он несколько месяцев лечился в санатории):

²⁰ Подробнее об этой несостоявшейся публикации см.: Азадовская Л. В. Из научного наследия М. К. Азадовского. С. 223. Вступление опубликовано: Азадовский М. К. Страницы истории декабризма. Кн. 1. Иркутск, 1991. С. 127–141; там же на с. 380–386 — содержательный комментарий А. А. Ильина-Томица.

²¹ Имеется в виду Секция по изучению деятельности декабристов и их времени при Ленинградском отделении Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

²² РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 107. Упоминаются: Ольга Константиновна Буланова, урожд. Трубникова (1858–1942), революционерка, народница; внучка декабриста В. П. Ивашева, и Зинаида Дмитриевна Еропкина (1876–1956), врач по профессии, дочь Д. И. Завалишина.

²³ Этому желанию Оксмана предшествовали, несомненно, переговоры с Азадовским, уделявшим в 1920-е годы особое внимание комплектованию иркутских научных библиотек (университетской, библиотеки Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества и др.).

Получил открыточку от Юлиана. Сообщает, что написал большое письмо в Иркутск, адресованное обоим нам. Получили ли Вы его? О чем он там рассказывает?²⁴

В письме от 12 декабря 1928 г. (из Ялты) читаем:

В записочке, которую Вы мне переслали от Юлиана, он пишет, что ничего не пишет, потому де, что обо всем написал М<ихаилу> П<авлови>чу, «к<ото>рый Вам все расскажет». Но Вы ничего не рассказали.

5 января 1929 г. Азадовский сообщает Алексееву (из Ялты): «От Москвы и Питера я пока что оторван: изредка только соблаговолит Юлиан Григорьевич парой строк побаловать».

Упоминаниями о встречах с Оксманом пестрят и письма Азадовского из Ленинграда, где он в 1929 г. проводит несколько месяцев. Так, 20 февраля 1929 г. Марк Константинович пишет Алексееву (вскоре после Ялты):

Вас, вероятно, интересуют мои здешние литературные впечатления — но их у меня еще очень мало. Кроме Юл<иана> Григорьевича и мельком Б.М. Эйхенбаума, почти никого не видел.

И спустя месяц (24 марта <?> 1929 г.):

...Вышел VI том «Восстания» с работой Юл<иана> Григорьевича. Чудесная работа²⁵. Молодчина он исключительный! Работает сейчас изо всех сил. Чуть ли не еженедельно сдает по книге в печать.

★

Весной 1930 г. Азадовский расстается с Иркутском и окончательно переезжает в Ленинград. В попытках своего «обустройства», как и в научно-издательских делах, он пользуется

²⁴ Письма М.К. Азадовского к М.П. Алексееву хранятся в личном архиве К.М. Азадовского; письма М.П. Алексеева к М.К. Азадовскому — в ОР РГБ (Ф. 542. Карт. 57. Ед. хр. 41).

²⁵ Имеется в виду: Восстание Черниговского полка. Обзор источников, публикаций и исследований / К печати подготовил Ю.Г. Оксман. М.; Л., 1929. (Восстание декабристов. Т. VI).

советами и поддержкой Оксмана, с которым постоянно встречается. «На днях видел у М. К. Азадовского книжку „Северной Азии“, где он напечатал большую рецензию на „Областные гнезда“, — сообщал Оксман Пиксанову 18 июня 1930 г.²⁶

4 августа 1930 г. Марк Константинович пишет Алексееву (из Детского Села):

Юлиан бодр, хотя и хандрлив. Работает, гл<авным> обр<азом>, над Пушкиным и сделал уйму счастливейших текстологических открытий. Следите за ближайшим номером «Звезды» (июльским), — там найдете очень много пушкинских материалов. Редактировано Ю<лианом> Г<ригорьевичем>²⁷.

Устроившись на работу в Институт истории искусств и сотрудничая одновременно в других научных учреждениях Ленинграда, Азадовский успешно продолжает свои изыскания как в области фольклора, так и в области русской литературы XIX века; при этом он отдает немало сил и организаторской работе. 17 октября 1930 г. Оксман рассказывал Н. К. Пиксанову:

...В Исследоват<ельском> Инст<итуте> (отд<еление> Раниона)²⁸, в результате всякого рода реорганизаций, во главе литерат<урно>-метод<ического> сектора стали В. А. Строев-Десницкий²⁹ и... М. К. Азадовский. Последний вообще идет сейчас очень в гору и занимает все новые и новые посты как признанный марксист³⁰

²⁶ РО ИРЛИ. Ф. 496 (не обработан). В дальнейшем письма Оксмана к Н. К. Пиксанову цитируются без отсылок к этому фонду. Упоминается рецензия Азадовского на книгу Н. К. Пиксанова «Областные культурные гнезда: Историко-краеведный семинар» (М.; Л. 1928), опубликованная в журнале «Северная Азия» (1930. Кн. 1–2. С. 163–168).

²⁷ В 7-м номере «Звезды» за 1930 г. были напечатаны две работы Оксмана: «Повесть о прапорщике Черниговского полка. (Неизвестный замысел Пушкина)» (С. 217–222) и «Полемиические заметки Пушкина» (С. 222–224).

²⁸ Имеется в виду Научно-исследовательский институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока им. А. Н. Веселовского при ЛГУ — одно из отделений Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), ликвидированной в 1930 г. Институт был реорганизован в Государственный Институт речевой культуры (ГИРК).

²⁹ О В. А. Десницком см. подробно в примеч. 3 к письму 8.

³⁰ О «марксизме» Азадовского см.: *Жизнь и труды*. Т. 1. С. 433–435.

и авторитет<ный> организатор науч<ной> работы. Вообще хорошо быть новым человеком на старых местах, но за М<арка> К<онстантиновича> я все-таки искренно рад.

Оксман, со своей стороны, становится в этот период вдохновителем многообразных начинаний в советской пушкинистике. Он привлекает Азадовского к участию в изданиях, которые «курировал», в частности к работе над Полным собранием сочинений Пушкина в шести томах (1930–1931), издававшимся как приложение к журналу «Красная нива». Пушкинская тема увлекает Азадовского в первую очередь как фольклориста. В середине 1930-х гг. Марк Константинович публикует серию своих исследований: «Пушкин и фольклор», «Пушкин и народность», статьи о сказках Пушкина и т. д. Некоторые из этих работ были выполнены по просьбе Оксмана и при непосредственном его содействии. «Глубокоуважаемый Павел Елисеевич, — пишет Азадовский П. Е. Щеголеву (письмо без даты; судя по содержанию — 1929–1930 гг.). — Присылаю для „Приложения к III тому соч<инений> А. С. Пушкина“ выполненную мною, по поручению Ю. Г. Оксмана, „программу поэмы о Бове“. Даты и спорные чтения установлены мною. Текст в окончательном виде санкционирован Юлианом Григорьевичем»³¹.

Имя Оксмана не исчезает в посланиях Азадовского к Алексею вплоть до конца 1932 г. Так, в письме от 5 марта 1932 г. читаем: «Недавно был у Юлиана. Все о Вас справлялись...» Или в письме от 7 июля 1932 г.: «Юлиан сделал Рылеева для Издательства Писателей. По общему отзыву — я сам не видал — шедевр в смысле эдиции и комментария»³².

³¹ ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 22. Л. 1. Речь идет о Полном собрании сочинений Пушкина в 6 томах, издававшимся как приложение к журналу «Красная нива» в 1930–1931 гг. (П. Е. Щеголев был одним из редакторов этого издания). В 3-м томе (Поэмы и драмы / Ред. С. М. Бонди, Б. В. Томашевского и П. Е. Щеголева. М.; Л., 1930) были напечатаны подготовленные М. К. Азадовским «Программы и планы» к поэме «Бова» по текстам из собрания Л. Н. Майкова (С. 263–264).

Следует также обратить внимание на участие Азадовского — совместно с Оксманом — в томе «Путеводитель по Пушкину» (последний том названного выше шеститомника), как и на появление его работ в двух первых томах «Временника Пушкинской комиссии» (1936), которые составлял и редактировал Оксман.

³² Имеется в виду: *Рылеев К.* Полное собрание стихотворений / Ред., предисл. и примеч. Ю. Г. Оксмана. Вступ. статья В. Гофмана. Л., 1934 (БП. Большая серия).

Занимая в те годы видные позиции в ленинградской академической жизни, Азадовский и Оксман работают в тесной близости³³. Азадовский возглавляет фольклорный отдел Государственного института истории искусств, позднее — Фольклорную комиссию в Институте по изучению народов СССР, затем — в Институте антропологии, археологии и этнографии, руководит созданной по его почину секцией (с 1938 г. — кафедрой) фольклора на филологическом факультете ЛГУ. Оксман же, неуклонно восходивший в те годы по лестнице успеха и официального признания, выполняет обязанности ученого секретаря и затем помощника директора в Пушкинском Доме (в 1932–1933 гг. при А. В. Луначарском, в 1934 г. при Л. Б. Каменеве, в 1935–1936 гг. при М. Горьком). Пересекаются они и в ленинградском отделении Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, и в издательстве «Academia», где оба участвуют, например, в сборнике «Фельетоны сороковых годов» (1930), выпущенном в свет под редакцией Оксмана. Азадовский готовит тексты и комментарии к «Сказкам» Пушкина для 9-томного (М.; Л., 1935–1938) и 6-томного (М.; Л., 1936–1938) Полного собрания сочинений Пушкина (эти издания осуществлялись в «Academia» под общей редакцией Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского). В том же издательстве каждый публикует свои труды, до настоящего времени не утратившие своего значения: Азадовский — двухтомник «Русская сказка. Избранные мастера» (1932), Оксман — «Записки» Е. А. Сушковой (1928) и письма В. М. Гаршина (1934)³⁴.

Издательство «Academia», переехавшее в 1929 г. из Ленинграда в Москву, возглавлял в 1933–1934 гг. Л. Б. Каменев,

³³ «Дорогому другу Юлиану Григорьевичу» — такую надпись сделал М. К. Азадовский 12 июля 1933 г. на оттиске своей работы «С. Ф. Ольденбург как фольклорист. (К пятидесятилетию его научной деятельности)», напечатанной в журнале «Советская этнография» (1933. № 1. С. 15–38). Сохранились оттиски и других работ Марка Константиновича, подаренных им Оксману в первой половине 1930-х гг. (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1109. Л. 8 и др.).

³⁴ Свидетельством творческого сотрудничества ученых в первой половине 1930-е гг., а также помощи со стороны Оксмана, можно считать и печатно высказанные благодарности в работах Азадовского (см., например: Воспоминания Бестужевых / Ред. М. К. Азадовский, И. М. Троцкий. М., 1931. С. 6; *Языков* 1934. С. 11).

назначенный, кроме того, директором Пушкинского Дома (май 1934 г.). Оксман, занявший в октябре 1933 г. должность ученого секретаря ИРЛИ, становится его заместителем. Естественно, что в этот период они часто встречаются (и в Москве, и в Ленинграде). Примечательна запись в дневнике К.И. Чуковского от 20 декабря 1934 г., сделанная через несколько дней после ареста Каменева:

В «Academia» носят слухи, что уже 4 дня как арестован Каменев. <...> Неужели он такой негодяй? Неужели он имел какое-нб. отношение к убийству Кирова? В таком случае он лицемер сверхъестественный, т. к. к гробу Кирова он шел вместе со мною в глубоком горе, негодюя против гнусного убийцы. И притворялся, что занят исключительно литературой. С утра до ночи сидел с профессорами, с академиками — с Оксманом, с Азадовским, толкуя о делах Пушкинского Дома, будущего журнала и проч.³⁵

Близость к Каменеву сыграла — наряду с иными обстоятельствами — роковую роль в судьбе Оксмана³⁶: в 1936 г. он был арестован и осужден к 5 годам лагерей (в марте 1942 г. «тройка» объявляет ему новый срок «за клевету на советский суд»). Личные бумаги Оксмана, и в первую очередь письма, были конфискованы у него во время обыска. Азадовский же, чьи сотрудники и друзья один за другим «исчезали» в те годы вслед за Оксманом (И.М. Троицкий, сибирский писатель И.Г. Гольдберг и др.), сам уничтожил в то нелегкое время обширную часть своего домашнего архива³⁷. От переписки Азадовского и Оксмана за 1930-е гг. не сохранилось ни одного документа.

³⁵ Чуковский К. Дневник 1930–1969. М., 1994. С. 111.

³⁶ «Пресса писала о нем как о „враге народа“, вместе с Л.Б. Каменевым осуществлявшем вредительство в Институте русской литературы (Пушкинском доме) АН СССР» (Пугачев В.В., Динес В.А. Историки, избравшие путь Галилея. С. 12). Об обстоятельствах ареста Оксмана см. также воспоминания одного из тогдашних секретарей Редакции академического собрания сочинений Пушкина (Домгер Л.Л. Советское академическое издание Пушкина. New York, 1953. С. 48–49).

³⁷ См.: Азадовский К.М. Архив Марка Азадовского // Архив ученого-филолога: Личность. Биография. Научный опыт. С. 19–32.

Арест Оксмана оказался — даже в ситуации 1936–1937 гг. — громким событием. Ученый-пушкинист был широко известен в научно-литературном мире, поддерживал дружеские отношения с известными деятелями советской культуры. Попытки вмешаться в дело Оксмана с тем, чтобы облегчить его участь, начались сразу же после ареста. Докладывая секретарю ленинградского горкома ВКП(б) В.И. Шестакову о настроениях в среде интеллигенции, первый секретарь Дзержинского районного комитета А.А. Кузнецов³⁸ сообщал в своей «записке»:

Такие писатели, как Тихонов, Федин и др<угие>, ходатайствуют за арестованного Оксмана, чем по существу демонстрируют недоверие к органам пролетарской диктатуры³⁹.

Коллективное выступление писателей и ученых в поддержку Оксмана состоялось в 1939 г. и связано было, очевидно, с начавшейся в 1938 г. чисткой аппарата НКВД и письмом ученого к Сталину (датировано 13 марта 1939 г.)⁴⁰. «Вслед за этим письмом, — пишет М.А. Фролов, — несколько дорогих и близких Оксману людей, составлявших гордость отечественной науки и литературы и имевших достаточный запас гражданского мужества <...> организовали общественную кампанию в его защиту: с июня 1939 года по апрель 1940 года в Народный комиссариат внутренних дел,

³⁸ Алексей Александрович Кузнецов (1905–1950, расстрелян), советский партийный деятель, один из руководителей блокадного Ленинграда; фигурант «Ленинградского дела».

³⁹ Центральный государственный архив историко-политических документов. Ф. Р-408. Оп. 1. Д. 34. Л. 119. Внимание партийных руководителей к делу Оксмана было вызвано письмом шести писателей и ученых-пушкинистов на имя Н.И. Ежова (дата письма — 8 ноября 1936 г.). Кроме Н. Тихонова и К. Федина, письмо подписали Ю. Тынянов, М. Цявловский, Д. Якубович и С. Бонди. См.: Фролов М. «Вынужден вновь напомнить о себе и о своем деле...». К истории ареста, заключения и реабилитации Ю.Г. Оксмана (1936–1958) // Вопросы литературы. Март — апрель. С. 441 (публикуется текст письма).

⁴⁰ См.: Больше молчать я уже не в состоянии. Письмо Юлиана Оксмана Иосифу Сталину / Публ. М. Фролова // НГ — Ex Libris (приложение к «Независимой газете»). 2010. № 35, 16 сентября. С. 4.

Московский городской суд, Особое совещание НКВД, Генеральную Прокуратуру СССР, председателю Верховного Совета СССР А. Жданову, члену ЦК КПСС и секретарю Союза писателей А. Фадееву было направлено почти два десятка обращений (включая письма, характеристики, отзывы, заявления)»⁴¹.

Свое слово в защиту Оксмана произнес и Марк Константинович. Сохранилась написанная им и отправленная в Москву «характеристика» (по какому адресу и на чье имя — неясно). Ниже приводится ее полный текст:

Я знаю Ю.Г. ОКСМАНА с 1914 года. Мы познакомились в университете, когда он был еще студентом, а я — оставленным при университете для подготовки к профессорскому званию.

С тех пор в течение двадцати пяти лет его деятельность за вычетом немногих лет, когда мы оба отсутствовали из Ленинграда, прошла на моих глазах. Я был свидетелем его научного роста, который можно назвать изумительным — и очень <так!> не только многие из его сверстников, но и из нас, его старших товарищей, почувствовали себя отставшими рядом с ним.

Я считаю Ю.Г. ОКСМАНА одним из самых крупнейших <так!> историков литературы. Современные литературоведы, по большей части, являются отдельными специалистами (по тому или иному писателю, по той или иной эпохе, по какому-либо направлению в литературе) — Ю. Г. ОКСМАН владеет в совершенстве всем материалом истории русской литературы. Он — общепризнанный, выдающийся пушкинист, — но в равной мере он может быть назван тургеневистом, выдающимся знатоком Добролюбова, а также декабристов, литературы 60-х годов, эпохи 40-х годов, особенно Герцена и Белинского, истории революционного движения XIX века. Трудно перечислить хотя бы главнейшие факты, которые он впервые открыл и ввел в науку. Его издание стихотворений Рылеева составило эпоху в изучении декабристской поэзии. Вместе с тем это издание является одним из лучших образцов (лично я думаю даже: непревзойденным образцом) советской текстологии, по тщательности, по тонкому анализу, направленному на удаление всех элементов, вызванных цензурным

⁴¹ Фролов М. «Вынужден вновь напомнить о себе и о своем деле...». К истории ареста, заключения и реабилитации Ю.Г. Оксмана (1936–1958). С. 451.

вмешательством, по умелым реконструкциям. Примечания же в своей совокупности составляют единое и цельное исследование. Такого же типа и значения его комментарий к сочинениям Тургенева и др. Такое же образцовое издание, занимающее первое место среди всех декабристоведческих публикаций последнего времени — его публикация следственного дела о восстании Черниговского полка с замечательным историографическим предисловием.

Его труды о декабристах исключительно высоко ценятся и историками. Они особенное значение приобрели и теперь, когда вскрыта вся ошибочность и порочность концепций Покровского и его школы⁴². Веяния вульгарного социологизма захватили многих историков литературы — я не знаю ни одной работы Ю. Г. ОКСМАНА, в которой можно было <бы> найти следы этих «теорий».

Наоборот, в годы, когда часто крупнейшие историки считали своей задачей прежде всего констатировать наличие классово-дворянских и реакционных тенденций у Пушкина или декабристов, Ю. Г. ОКСМАН во всех своих работах подчеркивал прогрессивное значение поэзии Пушкина и его связь с передовыми тенденциями эпохи. Именно он первый вскрыл пристальное внимание Пушкина к проблеме крестьянской революции⁴³, — и можно смело сказать, что целый ряд положений в этой области, ставших теперь общепризнанными, был впервые сформулирован Ю. Г. ОКСМАНОМ.

К этому нужно прибавить, что он владеет превосходно и материалом западноевропейской литературы, и потому каждый писатель, которого он изучает, очерчивается в его работах не только в связи с общим историко-литературным процессом в России, но и на фоне литературных явлений Запада.

Я знаю Ю. Г. ОКСМАНА и как общественного деятеля, как педагога, как учителя ряда талантливых современных литературоведов, как исключительного организатора. В моих глазах он всегда был одним из ярких представителей советской науки, человеком, прекрасно

⁴² Наступление на «школу Покровского» началось в 1936 г. и завершилось двухтомником «Против исторической концепции М. Н. Покровского» (М.; Л., 1939–1940).

⁴³ Имеется в виду исследование Оксмана «Пушкин в работе над „Историей Пугачева“», частично опубликованное в: ЛН. Т. 16–18. С. 443–466. Расширенная редакция: Оксман Ю. Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка» // Пушкин А. С. Капитанская дочка. М., 1964. С. 149–208 (2-е изд.: Л., 1984). См. подробнее примеч. 11 к письму 16.

понимающим, что только Советская Власть дала ему возможность так рано и так полно раскрыться во всей широте и силе его таланта.

Я не могу допустить мысли, чтобы он в какой-либо степени мог быть замешан в каком-нибудь контрреволюционном деянии. Весь склад его натуры, вся его деятельность, весь строй его убеждений глубоко противоречат такому предположению.

Ю. Г. ОКСМАНА особенно характеризует исключительная честность в исследовании. Эта честность заставляет его прерывать десятки томов для какого-нибудь сравнительно второстепенного примечания или для проверки какой-нибудь часто маловажной даты, — эта же честность исследователя делала его неумолимым и беспощадным, даже к близким друзьям, рецензентом и критиком. Эта честность сопровождалась, естественно, суровой требовательностью к другим. Он был враг всякой халтуры, всякой небрежности и безответственности в работе. Все это в соединении с некоторой резкостью его характера, с абсолютным неумением сглаживать острые углы в общении с другими людьми, — все это часто создавало ему многочисленных врагов, из которых некоторые, как это известно очень многим, не стеснялись никакими средствами в борьбе с ним⁴⁴.

Переписка возобновляется лишь в 1944 г. Впрочем, в известных к настоящему времени письмах Оксмана из тюремного заключения, как и в более поздних колымских письмах, о Марке Константиновиче упоминается не однажды⁴⁵. Но лишь 10 июля 1944 г., впервые после долгого перерыва, Оксман обращается к нему напрямую; этим письмом открывается их поздний эпистолярный диалог⁴⁶.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1083. Л. 34–34 об. (дата в конце — 15 декабря 1939 г.). Большая часть этого документа опубликована в статье: Фролов М. «Вынужден вновь напомнить о себе и о своем деле...» К истории ареста, заключения и реабилитации Ю. Г. Оксмана (1936–1958). С. 454–456.

⁴⁵ См.: Из переписки Ю. Г. Оксмана. С. 119, 125 и др.

⁴⁶ Послать Азадовскому письмо из Магадана (см. письмо 1) Оксмана побудила, видимо, полученная им открытка от С. А. Рейсера, который, рассказывая о судьбе их друзей и знакомых, сообщал 19 октября 1943 г.: «Азадовский — в Иркутске (Красный пер. 7)» и советовал: «Напишите ему» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 818. Л. 1 об.). Впрочем, еще до получения этого известия Оксман знал, что Азадовский эвакуировался из Ленинграда в Иркутск; в письме к жене от 19 августа 1943 г. он просил узнать у П. Н. Беркова иркутский адрес Марка Константиновича (см.: Из переписки Ю. Г. Оксмана. С. 132).